

НОЧНЫЕ
ВИДЕНИЯ

HAUNTED NIGHTS
A HORROR WRITERS ASSOCIATION
ANTHOLOGY
EDITED BY ELLEN DATLOW
AND LISA MORTON

НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ

АНТОЛОГИЯ
«АССОЦИИИ
АВТОРОВ
РОМАНОВ УЖАСОВ»

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЭЛЕН ДАТЛОУ
И ЛИЗЫ МОРТОН

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н86

HAUNTED NIGHTS

A Horror Writers Association Anthology
Edited by Ellen Datlow and Lisa Morton
Copyright © Lisa Morton; Ellen Datlow, editor 2017

This edition published by arrangement with
Writers House and Synopsis Literary Agency

Оформление *Елены Куликовой*
Иллюстрация на переплете *Ольги Закис*

Н86 Ночные видения / под редакцией Э. Датлоу и Л. Мортон ;
[перевод с английского А. Авербуха]. — Москва: Эксмо, 2020. —
416 с.

ISBN 978-5-04-108224-6

Мы привыкли, что Хэллоуин — костюмированный праздник страшилок. Но его корни уходят в темную старину, полную мрачных ритуалов и поверий, к которым современность относится слишком легкомысленно. В канун праздника всех святых граница между миром живых и потусторонним становится тонкой, поэтому не стоит пренебрегать мерами предосторожности, особенно если слышишь шаги за спиной — не оборачивайтесь. Жуткие истории в темноте у камина не всегда ужастики для малышей, но реальные истории о тех, кто не соблюдал правила. Не желайте запретного, не берите фонарь из рук Джека...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-108224-6

© А. Авербух, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЛИЗЫ МОРТОН

Когда мы думаем о Хэллоуине — и особенно в Америке, где этот праздник был (вос)создан в своей современной, но все еще узнаваемой форме, — мы, вероятно, прежде всего вспоминаем костюмы и маски, «Откупись, а то заколдую!»¹, фонари из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз и рта, дома с привидениями, фильмы ужасов по телевизору, дыхание осени в воздухе. Те из нас, кто упорствует в своем почтении к печатному слову, могут перечитать любимые книги вроде «Канун Всех Святых» Рэя Брэдбери, «Темная жертва» Нормана Партриджа, «Легенда о сонной лошине» Вашингтона Ирвинга (вопреки распространенному мнению в этом классическом произведении Хэллоуин не упоминается ни разу). Наиболее образованные из нас могут знать о стихотворении *Hallowe'en* Роберта Бернса, содержащем милое и озорное описание шотландского празднования, во время которого (большей частью) молодые люди развлекаются предсказаниями будущего и заходят в этом настолько далеко, что даже призывают дьявола.

Но первые упоминания Хэллоуина в литературе встречаются за два столетия до Бернса и описывают праздник, насыщенный восхитительно-жутким суеверием. Возьмите для примера эти две строчки из стихотворения *Flying*

¹ «Сладости или гадости» — фраза, которую говорят дети, требуя угощения на праздник Хэллоуин.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЛИЗЫ МОРТОН

Against Polwart¹ Александра Монтгомери, написанного в 1584 году:

*В конце жатвы в вечер Дня Всех Святых,
Когда наши добрые соседи едут...*

Монтгомери описывает этих «добрых соседей» более подробно и мог легко наделить эти фигуры характерными для представлений того времени «привлекательными» чертами: тут и король фей, и королева эльфов, «и многие истинные инкубы», и ведьмы («роковые сестры»), и призраки, и пауки, и совы, и вороны, и оборотни. Тот факт, что *Flyting Against Polwart* есть на самом деле сатира на одного из соперников Монтгомери, не умаляет созданного им странного и причудливого описания вечера Дня Всех Святых.

Заглядывая еще дальше в прошлое, обнаруживаем предка Хэллоуина, кельтский праздник Нового года, Самайн, чью мрачную сторону, вероятно, унаследовал наш Хэллоуин (хотя некоторые ученые полагают, что католический День Всех Святых (1 ноября) и День всех душ (2 ноября) несут бóльшую ответственность за связи Хэллоуина со смертью, духами и всякой чертовщиной). На самом деле о том, как кельты справляли Самайн, мы знаем очень мало — они не оставили письменных источников, поэтому в своих рассуждениях мы можем полагаться лишь на сообщения раннехристианских миссионеров и отрывочные археологические свидетельства, но все же представляется, что для кельтов это была ночь тайн и господства темных сил. Как и во время, когда старый кельтский год уступал свое место новому, на Хэллоуин граница между нашим миром и иным делалась вполне проницаемой для духов мертвых и злонамеренных *сидхи*, или фей. Кельтские легенды изобилуют страшными делами, вершившимися на Самайн: женщины-оборотни губили стада овец, мертвецы возвращались к жизни, сидхи-воины, отважившиеся выйти из другого мира, сжигали дворцы; люди, уходившие туда, прожива-

¹ «Поэтическая дуэль с Полвартом».

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЛИЗЫ МОРТОН

ли там всю жизнь всего за год. Эти истории передавались из века в век и со временем стали ирландскими и шотландскими народными сказками о людях, которых феи вовлекли в свой танец, заканчивавшийся смертью человека, о встречах с полчищами призраков и сделками с дьявольскими ловкачами.

Самайн, возможно, дал Хэллоуину исходный материал, ирландцы и шотландцы донесли его до нас (хотя британцы осуждали его как пережиток религии, которую они более не принимали), но именно американцы превратили Хэллоуин в праздник, который мы знаем сегодня. В середине XIX века ирландцы, бежавшие от голода на родине, обнаружили, что верхняя прослойка американского среднего класса остро нуждается в способах проводить вечеринки. Взрывной рост числа журналов познакомил американских матрон со своеобразным октябрьским праздником с его играми, переодеванием в костюмы и возможностями заглянуть в иной мир. Новый Свет предоставил туземную тыкву, которая оказалась идеальной для вырезания глаз и ртов, превращавших ее в дьявольскую голову (на родине ирландские шутники удовлетворялись зажиганием свечей в выдолбленной репе), и к XX веку компании-производители нашли способы зарабатывать на конфетах, костюмах и декорациях.

И теперь в XXI веке Хэллоуин преодолел религиозные запреты, эмиграцию, разрушительные шалости (на пике Великой депрессии), необоснованные городские предрассудки об отравленных леденцах и лезвиях бритв в яблоках, кооптировал контркультурные группы, террористические акты и осуждение благоденствия религией. Хэллоуин не только обогнал другие праздники по продажам конфет и спиртного, но его влияние распространилось в такие разные области поп-культуры, как нанесение татуировок и комнаты, порожденные компьютерными видеоиграми, например игрой «Выберись из комнаты». Литература, связанная с Хэллоуном, переживает возрождение.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЛИЗЫ МОРТОН

Рассказы из антологии «Ночные видения» дают возможность показать, что именно делает Хэллоуин такой плодотворной темой для художественного вымысла. Этот праздник со своими ночными корнями поднимает завесу между нашим миром и миром иным, допускает участие полчищ призраков, ведьм и оборотней, но он также имеет своих специфических героев вроде Скаредного Джека — кузнеца, оказывающегося хитрее дьявола, но в конце концов вынужденного вечно бродить по земле при свете лишь тлеющего адского уголька, который он несет в вырезанной тыкве (или репе). Привлекательность Хэллоуина для народов всего мира — ведь нас всех интересует смерть, не так ли? — позволяет праздновать его и в условиях изолированных сельских поселений, и в условиях густонаселенных городов. Он имеет богатую историю, и, по-видимому, его ожидает еще долгое и интересное будущее. Хэллоуин способствовал распространению популярности связанных с ним праздников — Дьявольской ночи, отмечаемой 30 октября, ночи, на которую перенесены с Хэллоуина шалости; Дня Всех Святых, 2 ноября, когда души, оказавшиеся в ловушке чистилища, могут получить наши подношения; валлийского Нос-Галан-Гифа¹ с его кострами и особенно играми, связанными с предсказаниями будущего; *Día de los Muertos*², в котором мрачное католическое поклонение мертвым соединяется с гораздо более колоритными праздниками ацтеков и майя центральной Америки. Есть здесь истории и о ведьмах и феях, о дьяволе и его враге Джеке, о безумии, искусстве, мести, рождении, смерти и о завесах между мирами.

Думается, что кельты узнали бы эти истории, обменивались бы ими у костра на Самайн и слушали бы их, вздрагивая от восторга. Читая их, надеюсь, вы вспомните о том, что следуете великой традиции, которой не одна тысяча лет.

Счастливого вам Хэллоуина!

¹ Канун валлийского первого дня зимы, то есть вечер 31 октября.

² День мертвых (*исп.*).

С кладбищенскими
травами и семенами
борца высокого

ШЕННОН МАКГВАЙР

Шеннон Макгвайр живет, работает и смотрит, пожалуй, слишком много фильмов ужасов на Тихоокеанском Северо-Западе США, где вместе с ней в доме живут две огромные голубые кошки, помещается смешное количество книг и большая коллекция жутких кукол. Шеннон спит мало, публикует в среднем по четыре книги в год под своим именем и под псевдонимом Мира Грант. Ее первая книга *Rosemary and Rue* вышла в свет в сентябре 2009 года, и с тех пор Шеннон не останавливается. В свободное от писательской работы время она любит посещать Диснейленд, смотреть фильмы ужасов и с доброжелательным видом просматривать редакционные статьи Marvel, поскольку пытается убедить редакторов позволить ей писать «Людей Икс». Будьте в курсе событий, связанных с Шеннон, заходите на сайт www.seananmcguire.com, а также в «Твиттер» на [@seananmcguire](https://twitter.com/seananmcguire) либо выйдите ночью на кукурузное поле и, обращаясь к луне, призовите тайное имя Великой Тыквы. Когда повернетесь, она уже будет рядом. Она всегда будет рядом.

«With Graveyard Weeds and Wolfsbane Seeds» by Seanan McGuire, copyright © 2017 by Seanan McGuire. Used by permission of the author.

— Сегодня Хэллоуин, — сказала Мэри поварихе, когда та окунала яблоки в сваренную карамель и выкладывала на стол сохнуть. Яблоки маслянисто поблескивали в своих новых карамельных скорлупках. Повариха снисходительно улыбнулась, дала Мэри шарик карамели и выставила ее из кухни.

— Сегодня Хэллоуин, — сказала Мэри мистеру Эвансу, садовнику. Он набивал старую одежду сеном, продевал в рукава палки и расставлял получившиеся пугала на шести в саду, словно бдительных часовых. Мистер Эванс улыбнулся, не совсем снисходительно, как повариха, дал Мэри палочку с привязанной к ней веревочкой и выставил ее из сада.

— Сегодня Хэллоуин, — сказала Мэри мистеру Блейку, кучеру. Он смазывал салом петли на главных воротах, чтобы они скрипели «са-а-а-ч», а не «со-оу», когда придут ряженые. Мистер Блейк холодно улыбнулся и дал Мэри старую подкову, тяжелую и рыжую от ржавчины, похожей на запекшуюся кровь, и подтолкнул ее от ворот к дому.

— Сегодня Хэллоуин, — сказала Мэри сама себе. Карамель и ржавчина испачкали ей пальцы, палочку она вдела в свои собранные в хвост волосы, и она высоко торчала и покачивалась на осеннем ветру. Над домом восторженно каркали вороны, колебалась занавеска, оттягиваемая и от-

ШЕННОН МАКГВАЙР

пускаемая невидимой рукой. Довольная собой и окружающим миром Мэри сунула подкову в карман и побежала к дому.

Вырасти в тени дома Холстона — значит вырасти в понимании, почему вообще верят в призраков.

Вера в призраков у вас может быть, но ее может и не быть, что хорошо, потому что к черту: никто не убедит меня, что некий Каспер ошивается вокруг, чтобы подглядеть, как я обнажаю сиськи под конец школьного дня. Мертвые мертвы. Мертвые ушли навсегда. Но дом Холстона... заставляет вас понять, почему люди могут поверить. Почему они захотят поверить.

Во-первых, это случилось чертовски давно. Так давно, когда в городе не было ни единого дома. Дом Холстона выстроили, когда тут было не что иное, как пастбище, вечнозеленые леса да коневодческие фермы для богатых. Холстоны по меркам старого времени были богачами, а послушать людей, которые знали их еще при жизни, так и по современным меркам у них были большие деньги. Такие деньги, что владеющий ими человек мог посмотреть на красивое поле и сказать:

— Тут я построю охренительный дом безо всякой причины, просто потому что мне так хочется.

И не следует судить их слишком строго, этих мертвых богачей старых времен. Наш город существует лишь потому, что они здесь строились — если само его название вам говорит недостаточно. Холстон, штат Орегон: «Приятное место для жизни». И это верно. Тут хорошо. Никаких преступлений, наркотиков, ничего, кроме подростковых шалостей, которые прекращаются с окончанием хулиганами средней школы. Тут так хорошо, что меня иногда тошнит, как будто эта приятность не оставляет места больше ни для чего. Думаю, старик Холстон, избравший вышеприведенный девиз, получил то, чего желал. Только у всех остальных выбора не оставалось.

Когда богатый человек решает, что ему надо построить дом, он также решает, что ему надо покупать пищу, оде-

С КЛАДБИЩЕНСКИМИ ТРАВАМИ...

жду, развлекаться и так далее, все это делает дом родным. Люди вслед за богачом селятся здесь один за другим, и потом эти люди строят магазины, чтобы продавать в них свое дерьмо, и строят дома, чтобы содержать в них свое дерьмо, и, наконец, оглядываются и говорят:

— Да, блин, похоже, я теперь здесь живу. — И Холстоны маячили надо всем этим в своем смешном кошмарном доме с его черной железной решеткой, как будто для гриля, и красными фасадами из красного кирпича, и когда они стали умирать, все типа пожимали плечами и считали, что они сами на себя это навлекли строительством дома, который будто взят из готического романа.

Последний член семьи Холстона умер задолго до моего рождения, но я их все равно знаю. Их все знают. Невозможно вырасти здесь и не знать их, потому что смерть не могла заставить их *уйти*. Понимаете, они умирали слишком быстро от своего рода болезни, которая сначала унесла младшую дочку, а затем и всех остальных. Они не меняли своих завещаний, не аннулировали документов, гарантировавших, что в тяжелые времена никакой член этой семьи не сможет лишить остальных их драгоценного родительского гнезда.

Никто не может его купить. Никто не может его продать. Никто не может снести. Когда он сам разрушится — а это рано или поздно произойдет, ведь все когда-нибудь рушится, — мы сможем расчистить землю и отдать ее под городскую застройку, но пока ежегодные осмотры дома ничего такого не обнаружили, даже проседания почвы под фундаментом из-за действия грунтовых вод. Дом в идеальном состоянии, особенно если принять во внимание, что он стоит пустой и никто за ним не ухаживает уж семьдесят лет. Олени поедают траву, и она так коротка, что кажется подстриженной. Дожди моют окна, ветер выдувает мусор из желобов.

Этого достаточно, чтобы вы поняли, почему люди верят в призраков. Которые предположительно в доме имеются:

ШЕННОН МАКГВАЙР

Мэри Холстон, младшая девочка, та самая, которая заболела первой. Говорят, она по-прежнему в одиночку ходит по коридорам, ищет кого-нибудь, кто бы с нею поиграл. Вечно.

Этого также достаточно, чтобы в вечер Хэллоуина сделать дом привлекательным для скучающих подростков, он влечет их так же, как одинокая свеча, горящая в рое мошек. Ходить у нас тут в захолустье некуда, и взрослые ясно дали понять, что они категорически против вандализма, но патрулировать сад холстонского дома не будут. Если он достаточно долго будет предоставлен в наше распоряжение, то мы его, пожалуй, разрушим.

Впрочем, нет. Он переживет меня. Всех нас переживет. За исключением маленькой Мэри Холстон с ее призрачным садом, растущим в тени дома, где она умерла.

Мы собрались за воротами, пестрая шайка подростков, искавших возможности безнаказанно дать волю своим разрушительным инстинктам. Была Элиза со своими аэрозольными баллончиками краски, жвачкой, желтыми волосами и черными джинсами в обтяжку, которые всегда казались приглашением потаращиться и потом об этом пожалеть. Был Чак, чей рюкзачок распирало от яиц и банок с жидкостью, непотребный запах которой я чувствовала с того места, где стояла. Была Айко со своей бейсбольной битой и прищуром, о котором всех нас так и тянуло высказаться. Был Тайлер со своими вечными синяками на лице и руках, который никогда не хотел о них говорить, но зато мог куском кирпича артистически выбить окно с расстояния в шесть метров. Мы приветствовали друг друга кивками и грубыми оскорблениями, старались выглядеть круто, старались выглядеть небрежными, старались выглядеть так, будто сердца у нас не колотятся и будто кожа натянута не слишком, не как одежда, из которой мы уже выросли.

Или, может быть, так было только со мной. Элиза никогда не обнаруживала никаких признаков того, что ей

С КЛАДБИЩЕНСКИМИ ТРАВАМИ...

небезразлично, что о ней думают. Отец Чака охотно выручал его из бед, как будто переживал собственные бурные подростковые годы, и то ломал чей-нибудь почтовый ящик, то швырял яйцами в чужой дом. Айко ненавидела всех, включая и своих лучших друзей, а Тайлер...

Иногда мне казалось, что Тайлер надеется попасть вместе с нами в такую переделку, которая закончится отправкой в исправительное учреждение для несовершеннолетних на прилично долгий срок. Надеется недостаточно сильно, чтобы выйти и сотворить что-то самостоятельно, но все же надеется. В этом заведении из него, наверно, сделали бы отбивную. И из всех нас тоже. Но по крайней мере, там бы нас лупили не близкие родственники.

— Эмили, — произнесла Айко голосом, который был подобен лезвию бритвы. — Ты опоздала.

— Я собирала припасы, — сказала я и приподняла рюкзачок. Айко посмотрела на него с усталым безразличием. — Спички. Стеклорез. Полезные вещи.

— Зачем нам стеклорез? — спросил Тайлер.

— Потому что если сможем забраться в дом до того, как сюда вызовут полицию, то сможем найти дерьмо и лучше, — сказала я.

Тайлер помолчал и кивнул.

— Круто.

То, что кто-то мог вызвать полицию, было далеко идущим предположением. Даже взрослые на наши ночные похождения смотрели сквозь пальцы, пока мы, как это было принято в городе, пытались разнести дом Холстона. Кто-нибудь, услышав звон стекла или запах дыма, мог захотеть призвать нас к порядку, но только для того, чтобы мы не слишком расходились и не начинали громить дома, состояние которых кого-то действительно заботило. Подростки, по крайней мере, по мнению взрослых, делавших вид, будто им на нас наплевать, — дикие животные, за которыми приходится присматривать, чтобы не стали буйными.